

·thebigbook·

КНИГИ
УИЛБУРА
СМИТА:

РЕЧНОЙ БОГ
♦
СЕДЬМОЙ СВИТОК
♦
ЧАРОДЕЙ
♦
НА КРАЮ СВЕТА

ПОЛЕТ СОКОЛА
ЛУЧШИЙ ИЗ ЛУЧШИХ

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ
♦
МУССОН
♦
КОГДА ПИРУЮТ ЛЬВЫ
♦
И ГРЯНУЛ ГРОМ
♦
ПАДЕНИЕ С НЕБЕС
♦

УИЛБУР
СМИТ

ЛУЧШИЙ
ИЗ ЛУЧШИХ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44
С 50

Wilbur Smith
MEN OF MEN
Copyright © 1981 by Wilbur Smith
Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency
The moral rights of the author have been asserted
All rights reserved

Перевод с английского Оксаны Василенко

Оформление обложки Ильи Кучмы

Смит У.

С 50 Лучший из лучших : роман / Уилбур Смит ; пер. с англ. О. Василенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-15296-0

Южная Африка. Далекый край, где только что открыли одно из богатейших месторождений алмазов. Именно сюда приезжает из Англии Зуга Баллантайн, отчаянно смелый человек, готовый на все, лишь бы выбиться из нищеты. С ним — его сестра, красавица Робин, и сыновья — лихой авантюрист Ральф и умный, циничный Джордан. Здесь им всем предстоит пережить жестокие войны и опасные приключения, кровавую семейную вражду и пылкие страсти... Потрясающая сага Уилбура Смита переносит читателя в один из самых интересных исторических периодов — эпоху освоения европейцами необъятного Черного континента.

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-15296-0

© О. И. Василенко, перевод, 2010
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Моей жене, моей драгоценной Мохинисо, посвящается —
с любовью и благодарностью
за все волшебные годы нашей совместной жизни*

Он казался каплей солнца, хотя никогда не знал дневного света. Он зародился в невообразимой подземной глубине, в самом сердце Земли, где раскаленная магма кипит от жара, сравнимого лишь с тем, что царит на поверхности Солнца. Жуткое пекло выжгло все, остались лишь неизменные атомы углерода, которые от давления, способного стереть в пыль горы, прилегли друг к другу так плотно, как ни в каком другом природном веществе. Медленная подземная река раскаленной лавы вынесла крохотный пузырек жидкого углерода через слабинку в земной коре, и он почти достиг поверхности, когда поток лавы замедлил свое течение и наконец остановился.

За прошедшие с тех пор тысячелетия лава остыла, превратившись в крапчатый голубоватый камень из отдельных зерен, вплавленных в твердую основу. Это образование, никак не связанное с окружающими его породами, заполнило глубокий округлый колодец диаметром почти в милю, похожий на воронку, горлышко которой затерялось в неведомых глубинах планеты.

В остывающей лаве пузырек чистейшего углерода претерпел еще более чудесное превращение — затвердев, он стал восьмигранным кристаллом совершенной геометрической формы размером с завязь инжира. Адское пекло земного ядра выжгло все примеси, сделав его прозрачным и чистым, как лучи самого солнца. Подвергнутый немыслимому давлению, он так равномерно остыл, что внутри не образовалось ни трещинки, ни излома.

Он был само совершенство — холодный огонь, настолько белый, что при хорошем освещении казался ярко-голубым, — однако пламень спал беспробудным сном, запертый на многие века в полной темноте, и ни единый лучик света не проникал в его

прозрачные глубины. Все эти миллионы лет до солнечного света было рукой подать — всего-то пара сотен футов, тончайшая пленка по сравнению с умопомрачительной бездной, откуда началось его путешествие на поверхность.

А теперь, за жалкие несколько лет из всех прошедших тысячелетий, слой земли над ним неутомимо откалывали по кусочкам, снимали слоями и разрубали на части слабосильные, но настырные существа, копошившиеся в земле, словно муравьи.

Предки этих созданий еще не возникли на планете, когда чистейший кристалл принял свою нынешнюю форму, однако сейчас их металлические орудия каждый день сотрясали давно уснувшие камни; с каждым днем колебания становились все сильнее, а толщина слоя земли, укрывавшего кристалл, сократилась с двухсот футов до ста, потом до пятидесяти, затем до десяти, до двух — и вот всего лишь несколько дюймов отделяют его от ослепительного солнечного света, который наконец зажжет дремлющий в нем огонь.

Майор Моррис Зуга Баллантайн стоял возле тросового подъемника на краю пропасти, которая когда-то была холмом, выступавшим над плоской и безжизненной равниной Африканского континента.

Даже в нестерпимую жару Баллантайн закрывал шею шелковым платком, кончик которого торчал из застегнутой на все пуговицы фланелевой рубашки. Рубашку недавно выстирали и старательно выгладили, но никакая стирка не могла вытравить из насквозь пропитанной пылью ткани красноватый оттенок африканской почвы, которая становилась красной, словно сырое мясо, там, где в нее врезались обшитые железом колеса фургонов или лопаты землекопов. Ободранная горячими суховеями, почва поднималась в воздух густым облаком коралловой пыли, а от ливневых дождей стекала тягучими потоками кровавой грязи.

На карьере пыль окрашивала в охряно-красный цвет все и вся: шерсть собак и выючных животных, одежду людей, волосы и кожу рук, равно как и хижины-развалюхи из гофрированного железа.

Лишь в зияющем провале, над которым стоял Зуга, красный уступал место желтизне дроздовой грудки. Почти идеально круглая, шириной чуть не в милю яма достигала местами двухсот футов глубины. Работавшие на дне люди казались крохотными

насекомыми вроде паучков — только паучкам под силу сплести такую обширную сеть, что поблескивала серебристым облачком над всем карьером.

Задержавшись на минуту, Зуга снял широкополую шляпу — заостренная тулья потемнела, пропитанная потом и охряной пылью. Майор аккуратно промокнул испарину с гладкой и менее загорелой кожи ниже линии волос и брезгливо поморщился при виде мокрого алого пятна на шелковом платке.

Шляпа защищала густые кудри Баллантайна от немилосердно палящего африканского солнца, и они сохранили цвет дикого меда, а вот борода выгорела и стала бледно-золотистой, и годы добавили в нее серебряных нитей. Кожа потемнела и спеклась, словно корочка свежего хлеба, лишь на щеке оставался молочно-белый шрам: много лет назад ружье для охоты на слонов разорвалось прямо у лица майора. Возле глаз собрались мелкие морщинки — от привычки щуриться на дальние горизонты; глубокие складки прорезали лицо от носа до бороды — результат перенесенных тягот и пережитых разочарований.

Зуга смотрел в зияющий провал, и взгляд зеленых глаз затуманился от воспоминаний о светлых надеждах и радостных ожиданиях, которые привели его сюда — всего-то десять лет назад. То ли день прошел, то ли целая вечность.

О холме Колсберг-копи он впервые услышал, ступив из шлюпки на берег залива Роггер-Бей, над которым возвышалась прямоугольная громада Столовой горы. «На Колсберг-копи нашли алмазы, огромные, как картечь! Они там под ногами валяются, все сапоги о них протрешь!» От этих слов по коже побежали мурашки и встали дыбом волосы на затылке. В свете мгновенной вспышки интуитивного прозрения Зуга понял, что именно туда и приведет его судьба. Два года, тщетно потраченные в старой доброй Англии на отчаянные попытки получить финансовую поддержку для его великого плана освоения севера, стали преддверием этого момента. Дорога на север начинается именно в алмазных копиях холма Колсберг.

У Баллантайна был всего один фургон, не хватало тягловых волов, но через сорок восемь часов повозка уже тащилась по вязким пескам, засыпавшим дорогу через Кейп-Флэтс; в шестистах милях к северу, ниже реки Вааль, лежал холм Колсберг.

Пожитки легко уместились в фургоне: не так уж много их и оставалось. Двенадцать лет погони за грандиозной мечтой истощили все запасы. Солидный гонорар за книгу, которую он написал после путешествия в неисследованные земли в низовьях реки Замбези, золото и слоновая кость, привезенные из охотничьих экспедиций в те же манящие райские края (увы, и в раю нашлись свои недостатки), — все ушло. Потрачены тысячи фунтов стерлингов, прожиты двенадцать полных разочарований лет, а заветная мечта затуманилась и поблекла, и единственное, что от нее осталось, — это ветхий обрывок пергамента с выцветавшими чернилами, настолько потертый на сгибах, что пришлось наклеить его на плотную бумагу, чтобы не развалился окончательно. Это была концессия, которую Баллантайн лестью выудил у короля черных дикарей, дававшая право разработки всех минеральных богатств обширной, размером с Францию, внутренней области Африканского континента сроком на одну тысячу лет. На этой огромной территории Зуга мыл красное самородное золото на выходах кварцевых пород.

Земли находились в единоличной собственности Баллантайна, однако, чтобы заполучить скрытые в них богатства, требовались гигантские вложения капитала. Половину своей сознательной жизни Зуга провел в попытках добыть необходимые средства — попытках безуспешных, поскольку так и не удалось найти ни одну влиятельную особу, которая бы прониклась его мечтой. В конце концов отчаявшийся Зуга воззвал к британскому обществу. Он совершил путешествие в Лондон, надеясь привлечь инвесторов для создания Центральноафриканской сельскохозяйственной и горнорудной компании.

Баллантайн составил и напечатал симпатичную брошюру, превозносящую богатства страны, которую назвал Замбезией. Украсил буклет собственноручно сделанными рисунками великолепных лесов и покрытых травой равнин, где в изобилии водятся слоны и прочая дичь; приложил копию концессии, заверенную огромной слоновьей печатью Мзиликази, короля матабеле, и распространил брошюру по всем Британским островам.

Зуга проехал от Эдинбурга до Бристоля, устраивая лекции и собрания, а также поместил рекламу на целую страницу в «Таймс» и другие приличные газеты.

Газеты, приняв оплату за рекламу, его же и высмеивали, а инвесторы больше интересовались южноамериканской железной дорогой, постройка которой по несчастливому стечению обстоятельств совпала по времени с поездкой Зуги. После оплаты счетов за печать и распространение брошюры, издержек на рекламу в газетах и услуги юристов, а также дорожных расходов и покупки билета обратно в Африку от некогда значительного состояния Баллантайна осталось всего несколько сотен соверенов.

Богатство ушло, а семью кормить надо. Зуга оглянулся: Алетта сидела на козлах фургона, который тянула упряжка пятнистых черных волов.

Шелковистые волосы жены по-прежнему отливали золотом на солнце, но в глазах застыла задумчивость, а некогда красивой формы губы были поджаты, словно в ожидании неминуемых лишений.

Глядя на Алетту сейчас, невозможно было поверить, что когда-то она была прелестным избалованным ребенком, беззаботной, как бабочка, любимицей богатого отца, которая не думала ни о чем, кроме лондонских журналов мод, доставленных почтовым кораблем, и грядущего бала в блестящем обществе Кейптауна.

Девушку привлекла романтика, окружавшая майора Зугу Баллантайна, путешественника и искателя приключений в отдаленных краях Африканского континента. Баллантайн слыл легендарным охотником на слонов, над ним сияла слава недавно опубликованной в Лондоне книги. Все общество Кейптауна восхищалось этим молодым человеком и завидовало Алетте, за которой он ухаживал.

С тех пор прошло много лет, и легендарный ореол несколько померк.

Слабая конституция не позволила Алетте приспособиться к тяготам жизни в Африке, за пределами приятного климата побережья возле Кейптауна, к тому же ее приводили в ужас труднопроходимая местность и грубые люди. Алетта быстро подхватывала лихорадки и заразные болезни, ослаблявшие организм и вызывавшие частые выкидыши.

Всю замужнюю жизнь она провела в состоянии беременности, в малярийном забытии либо в бесконечном ожидании обожаемого богоподобного героя с золотистой бородой, который уехал

за океан или в жаркое, нездоровое сердце Африки, куда она не могла за ним последовать.

Зуга, как обычно, собрался в путешествие к алмазным копиям один, намереваясь оставить жену в доме тестя в Кейптауне, где она будет беречь свое хрупкое здоровье и заботиться о детях — лишь двух сыновей ей удалось выносить полный срок. Однако Алетта вдруг проявила несвойственную ей решительность, отвергая любые аргументы мужа, пытавшегося убедить ее остаться дома. Возможно, она предчувствовала то, что должно было произойти. «Я слишком долго была одна», — тихо, но твердо заявила она ему.

Старший мальчик, Ральф, вполне порос для того, чтобы ехать с отцом впереди фургона и стрелять газелей, стада которых бледно-коричневой дымкой тянулись через заросшие кустарником равнины Большого Кару. На выносливом местном пони Ральф сидел как влитой и стрелял не хуже взрослого.

Младший, Джордан, иногда вел упряжку волов или бродил возле фургона, гоняясь за бабочками и собирая полевые цветы, но большей частью с удовольствием сидел рядом с матерью, слушая, как она читает вслух стихи из маленькой книги в кожаном переплете, и его зеленые глаза восхищенно сверкали от звучания слов, которых по своему малолетству он толком не понимал, а ослепительное солнце превращало его золотистые кудри в ангельский нимб.

Шестьсот миль отделяли мыс Доброй Надежды от копей — Баллантайны проделали это расстояние за восемь недель. Каждую ночь семейство ставило палатку посреди вельда, под безоблачным ночным небом, на котором ослепительно сверкали далекие звезды, словно алмазы, наверняка ожидавшие Баллантайнов в конце пути.

Холодными ночами, сидя возле костра, Зуга говорил так увлекательно, что мальчики с восторгом ловили каждое его слово. Он рассказывал об охоте на слонов и руинах древних городов, о резных изображениях богов и самородном золоте в северных землях — землях, куда он однажды ответит сыновей.

Алетта, закутавшись в теплую шаль, слушала точно зачарованная и, как когда-то в юности, дивилась на странную привлекательность этого мужчины с золотистой бородой, который много

лет был ее мужем и тем не менее казался совсем посторонним человеком.

Зуга рассказывал мальчикам, что наполнит их кепки алмазами — большими сверкающими алмазами — и тогда они наконец поедут на север.

Алетта снова верила его рассказам, хотя первое разочарование пришло к ней давным-давно. Полный сил и энергии, Зуга излучал такую уверенность, что неудачи и препятствия казались не более чем временными задержками на пути, который он выбрал для своей семьи.

Дни шли за днями, неспешно катясь со скоростью фургона, и превращались в недели — недели путешествия по залитой солнцем равнине, изборужденной высохшими руслами ручьев и усеянной темно-зелеными деревцами верблюжьей колючки, на ветвях которых висели громадные гнезда колоний сухопутных ткачиков — каждое размером со стог сена, они росли, пока не обламывались державшие их крепкие ветки.

Монотонную линию горизонта иногда оживлял небольшой холмик, на местном наречии «копи», к одному из таких и лежала дорога Баллантайнов.

Колсберг-копи. Лишь через несколько недель после прибытия Зуга услышал историю открытия алмазного холма.

В нескольких милях к северу от Колсберг-копи по равнине проходит широкое русло мелкой речки, на берегах которой деревья выше и зеленее. Буры-поселенцы назвали ее Вааль, что на афроголландском наречии африкаанс значит «серая река» — по цвету лениво текущих вод. В русле реки и в речных наносах вдоль него небольшая колония старателей давно добывала редкие сверкающие камешки.

Ужасная работа изматывала, и после первого наплыва жаждущих обогащения старателей остались лишь самые стойкие. Эти мужественные упрямы много лет знали, что на сухой равнине, милях в тридцати от реки, можно иногда найти заваливший алмаз. Ворчливый старый бур по имени Де Бир, владелец этих земель, продавал лицензии на разработку алмазов на своей территории — правда, он предпочитал старателей-земляков и терпеть не мог англичан.

Из-за этого, а также потому, что возле воды жизнь приятнее, старатели не очень-то рвались копаться в земле к югу от реки.

И вот однажды готтентот, прислуживавший одному из старателей, упилился жгучего кейптаунского бренди и случайно поджег палатку хозяина — все сгорело дотла.

Протрезвевшего слугу хозяин отделал шамбоком — тяжелой длинной плетью из кожи носорога, — да так, что бедняга стоять не мог. Когда слуга пришел в себя, хозяин, все еще ужасно злой, приказал ему уходить на сухую равнину: «Копай там, пока не найдешь алмазы!»

Пристыженный готтентот, с трудом держась на ногах, взвалил на плечо лопату, сгреб пожитки и захромал прочь. Хозяин уже и позабыл о нем, когда через две недели слуга внезапно вернулся и положил на ладонь старателя полдюжины прекрасных белых камешков — самый большой размером с крупную фасолину.

«Где?» — требовательно спросил Флитвуд Росторн. Единственное, что он сумел выдать, потому что горло вдруг пересохло и сжалось от волнения.

Несколько минут спустя Флитвуд скакал сломя голову прочь из лагеря, бросив только что вытащенную из реки кучу песка и оставив наполовину полное сито, которым просеивал алмазную гальку. Дэниел, слуга-готтентот, бежал рядом, держась за стремя и взбивая голыми пятками фонтанчики пыли; алый шерстяной колпак, признак принадлежности к артели Флитвуда, развевался на его лысой голове, точно флаг, приглашающий остальных отправиться следом.

Подобное поведение мгновенно вызвало дикую панику в маленьком сообществе готовых перегрызть друг другу глотки старателей. Через час над сухой равниной поднимался высокий столб красной пыли: наездники неслись во весь опор, безжалостно настигая лошадей, за ними грохотали повозки, а наименее удачливые бежали на своих двоих, спотыкаясь и поскальзываясь на песчаной почве, — все мчались на юг, к бесплодной ферме старика Де Бира, где возвышался голый каменистый холмик, ничем не отличавшийся от десятков тысяч своих собратьев, разбросанных по равнине.

Унылым днем засушливой зимы 1871 года холмик назвали Колсберг-копи в честь местечка, где родился Флитвуд Росторн, и сюда в приступе алмазной лихорадки устремились орды старателей из пыльных, выжженных солнцем далей.

Уже почти стемнело, когда Флитвуд добрался до холма, не намного опережая своих преследователей. Его загнанная лошадь была вся в мыле, но готтентот все еще цеплялся за стремя.

Хозяин и слуга бросили задыхающееся животное и помчались вверх по склону. Их красные колпаки, то и дело мелькавшие среди колючих кустов, видны были за полмили, и нестройная колонна преследователей издала хриплый вопль торжества.

На вершине холма готтентот вырыл в твердой как камень почве яму футов в десять глубиной — крохотную царапину по сравнению с тем, что последовало за этим. С безумной поспешностью, пугливо оглядываясь на бегущую вверх по склону толпу, Флитвуд разметил центральную линию своего участка, вбив колышки поперек узкого горла разведочной шахты.

Ночь спустилась на поле боя, где мускулистые старатели осыпали друг друга бранью, махали кулаками и кирками, чтобы расчистить место и вбить собственные колышки. К полудню следующего дня, когда фермер Де Бир выехал из своего скромного двухкомнатного жилища, чтобы выписать «письма», как назывались здесь лицензии, весь холм был размечен на участки — и даже плоская равнина в радиусе полумили от подножия холма встопорщилась колышками.

Каждый участок — квадрат в тридцать футов шириной, отмеченный в середине и по углам заостренными колышками верблюжьей колючки. За ежегодный взнос в десять шиллингов фермеру Де Биру старатель получал «письмо», которое давало право владения и разработки участка на неограниченный срок.

К заходу солнца того первого дня счастливики, отхватившие середину холма, едва царапнув каменистую почву, нашли сорок камней чистой воды, и всадники помчались на юг, оповещая мир, что холм Колсберг — настоящая гора алмазов.

Когда фургон Зуги Баллантайна скрипел на последних милях изрытой колесами дороги, холм уже наполовину исчез, словно изгрызенный червями прогнивший сыр, но люди по-прежнему там копошились. На пыльной равнине у подножия холма собралось почти десять тысяч душ — черных, коричневых и белых. Дым от их очагов испачкал высокую синеву неба серой грязью, на мили вокруг старатели почти под корень истребили заросли верблюжьей колючки, пустив их на подкормку своих костров.

Поселок представлял собой неряшливую россыпь грязных, потрепанных непогодой парусиновых палаток. Кое-где виднелись похожие на ящики лачуги, сколоченные из листов гофрированного железа, привезенного за много миль, с далекого побережья. Некоторые хижины выстроились в приблизительно прямые линии, образуя подобия улиц. Здесь поселились скупщики алмазов, которые прежде бродили по приискам, а теперь сочли выгодным открыть постоянные лавки у подножия того, что осталось от холма Колсберг. В свободной Бурской республике законы об алмазах находились в зачаточном состоянии, требуя лишь, чтобы каждый лицензированный покупатель имел вывеску со своим именем. Написанные корявыми буквами вывески висели на железных коробах душных лавочек, однако большинство скупщиков этим не ограничивались: над их крышами возвышались еще и мачты, на которых реял громадный флаг кричащей расцветки, оповещая старателей, что хозяин на месте и готов совершить сделку. Яркие флаги придавали поселку ярмарочный вид.

Зуга Баллантайн вел упряжку волов вдоль узкой петляющей колеи — одной из многих, пересекавших поселок. Иногда возок приходилось отворачивать в сторону, чтобы обогнуть перекрывающие дорогу рудные отвалы или глубокие заболоченные лужи, натекшие из отхожих мест и от сортировочных столов.

В поселке Зугу прежде всего поразила невыносимая скученность. Он привык к равнинам и лесам, к широким, ровным горизонтам, а тут ни встать, ни сесть. Старатели жили на расстоянии вытянутой руки друг от друга: каждый хотел обосноваться как можно ближе к своему участку, чтобы не тащить добытую нелегким трудом породу слишком далеко.

Зуга надеялся найти открытое местечко, где можно распрячь волов и поставить большую палатку, однако на расстоянии четверти мили от холма шагу было не ступить.

Он оглянулся: Алетта неподвижно сидела на козлах, подпрыгивая вместе с фургоном на ухабах, и смотрела прямо перед собой, словно не замечая полуголых мужчин, — многие едва прикрыли бедра куском тряпки. Под беспощадно жгучим солнцем покрытые потом старатели, кто с бранью, кто с песнями, измельчали хрустящие комья желтоватой почвы и забрасывали их лопатами в промывочные лотки.

Грязь вызвала отвращение даже у Зуги, которому довелось работать в краалях машона на севере и жить с бушменами, в жизни не принимавшими ванны.

Цивилизованный человек оставляет особенно отвратительные отбросы. Каждый квадратный дюйм пыльной красной земли между палатками и лачугами был покрыт мусором: валялись ржавые жестянки из-под солонины; блестели на солнце осколки бутылок и фарфора; лежали снежные заносы клочков бумаги, разлагающиеся трупы приبلудных кошек и выброшенных хозяевами собак, кухонные отбросы, фекалии тех, кому было лень вырыть в твердой почве яму и прикрыть ее серебристым пучком местной травы, а также гнил весь прочий неопознанный мусор, которым десять тысяч человеческих существ окружили себя в отсутствие контролирующих органов и санитарных норм.

Зуга поймал взгляд Алетты и ободряюще улыбнулся, но она не ответила на его улыбку: ее губы были решительно сжаты, а в огромных глазах плескались слезы, грозя вот-вот сорваться с ресниц.

Упряжка Баллантайнов протиснулась мимо грузовой повозки, которая привезла товары с побережья, за шестьсот миль отсюда; торговец вывесил на фургоне написанный мелом список:

Свечи — 1 фунт за пакет.
Виски — 12 фунтов ящик.
Мыло — 5 шиллингов кусок.

Зуга не решился взглянуть на Алетту: цены здесь в двадцать раз выше, чем на побережье. Лагерь алмазоискателей на ферме Де Бира, пожалуй, был самым дорогим местом на планете. Оставшиеся в широком кожаном поясе соверены внезапно показались Зуге легче перышка.

Только к полудню Баллантайны отыскали на окраине громадного поселения местечко, где смогли расположиться.

Готтентот Ян Черут, старый верный слуга Зуги, повел волов на водопой. Зуга торопливо поставил тяжелую парусиновую палатку: Алетта и мальчишки натягивали веревки, а он забивал колышки.

— Тебе надо поесть, — пробормотала Алетта, сидя на корточках над костром и все еще избегая смотреть на мужа. Она поме-

шивала в чугунном котелке остатки тушеного мяса газели, убитой Ральфом три дня назад.

Зуга подошел к жене, склонился и, положив ей руки на плечи, поднял на ноги. Она двигалась тяжело, как старуха: долгое, полное тягот путешествие отразилось на ее хрупком здоровье.

— Все будет хорошо, — сказал он, однако жена так и не подняла глаз: наверное, слишком часто слышала эту фразу раньше.

Он обхватил ее подбородок ладонями, приподнял лицо — и тут слезы прорвались и потекли по щекам, оставляя следы на покрытой красной пылью коже. Зуга почему-то разозлился, словно усмотрев в слезах обвинение, убрал руки и отступил назад.

— Я вернусь до темноты, — резко сказал он и, отвернувшись, зашагал к разрушенному силуэту холма, который отчетливо виднелся даже сквозь вонючее облако дыма и пыли, висевшее над лагерем.

Зуга будто стал привидением, эфемерным существом, невидимым для человеческих глаз. Мимо него по узкой дорожке торпливо проталкивались люди; когда он проходил мимо склонившихся над лотками старателей, никто не поднимал головы и не удостоивал его даже взглядом: весь поселок жил ради единственной цели, игнорируя все остальное.

По опыту Зуга знал, где можно пообщаться с людьми и разузнать столь необходимые сведения, — там, где продают выпивку. Под холмом было единственное на весь поселок открытое место — площадка в форме неровного квадрата, окруженная лачугами из парусины и железа, заставленная фургонами торговцев.

Зуга выбрал хижину с громкой вывеской «Лондонский отель». Под вывеской красовались цены: «Виски — 7 шиллингов 6 пенсов. Лучшее английское пиво — 5 шиллингов кружка».

Баллантайн осторожно пробирался по замусоренной, изрытой колеями рыночной площади к «Лондонскому отелю», но тут его внимание привлекли нестройные вопли «Потому что он славный парень!», долетевшие от холма. Разношерстная компания красных от пыли и возбуждения старателей с криками и песнями несла на плечах одного из своих братьев. опередив Зугу, компания ввалилась в покосившийся бар. Из соседних забегаловок и стоявших вокруг фургонов выскочили любопытные, выясняя причину такой суматохи.

— Что стряслось? — закричал кто-то.

— Черный Томас вытащил «обезьяну»! — бросили в ответ.

Жаргон старателей Зуга выучил гораздо позже. «Обезьяной» называли алмаз весом в пятьдесят карат и больше, а «пони», недостижимая мечта каждого старателя, весил сто карат.

«Черный Томас вытащил „обезьяну“!» — разнеслось по лагерю. Вскоре бар был забит под завязку, и кружки пенящегося пива для тех, кто оставался у входа, приходилось передавать через головы.

Зуга не видел счастливого: толпа окружила Черного Томаса со всех сторон, и каждый старался подобраться к нему как можно ближе, словно этим мог заполнить частичку удачи.

Услышав радостные вопли, скупщики алмазов спустили флаги и поспешно бросились через площадь, словно стервятники, слетающиеся на добычу льва. Самые первые, задыхаясь, подбежали к толпе зевак у входа и запрыгали, пытаясь разглядеть счастливого.

— Скажите Черному Томасу, что Вернер Львиное Сердце готов сделать открытое предложение, — передайте ему!

Предложение слегка изменило форму по дороге от забитого зеваками входа к адресату:

— Эй, Черный! Львиная Задница готов на открытое!

«Открытое предложение» гарантировало определенную сумму, и старатель имел право обратиться к другим скупщикам. Если никто не давал больше, то он возвращался к первоначальному покупателю и получал свои деньги, как договаривались.

Приятель поднял Черного Томаса на плечи, чтобы он посмотрел поверх голов. Счастливчик оказался маленьким, черным, как цыган, валлийцем с пивной пеной на усах. С певучим валлийским акцентом он выразил свое несогласие:

— Слушай, Львиная Задница, грабитель ты эдакий, да я скорее... — даже неотесанные старатели моргнули и фыркнули, услышав, что именно сделал бы Томас с алмазом, — чем позволю тебе наложить на него твои мерзкие лапы!

В голосе звенела горечь бесчисленных унижений и несправедливых сделок, которые он вынужден был заключить. Сегодня, завладев «обезьяной», Черный Томас превратился в короля копей — и пусть его правление скоротечно, он выжмет из своего положения все, что возможно!

Зуга так никогда и не увидел того камня — и больше никогда не встречал Черного Томаса. К полудню следующего дня коро-

тышка-валлиец продал алмаз вместе с «письмом» и отправился в долгое путешествие к югу, которое приведет его обратно домой, в более приятные и зеленые земли.

Зажатый между возбужденными потными телами заполнивших забегаловку посетителей, Зуга тщательно подыскивал собеседника — между тем кружки опрокидывались, голоса звучали все громче, шутки становились все грубее.

Зуга выбрал того, кто, судя по манерам и речи, был джентльменом и вырос на родине, а не в колониях. Старатель пил виски, и, едва его стакан опустел, Зуга придвинулся поближе и заказал еще порцию.

— Очень щедро с вашей стороны, старина, — поблагодарил тот. Англичанину не исполнилось и тридцати, выглядел он весьма привлекательно, отличаясь светлой кожей и шелковистыми бакенбардами. — Меня зовут Пикеринг, Невил Пикеринг, — представился он.

— Баллантайн — Зуга Баллантайн. — Зуга пожал протянутую руку, и англичанин переменялся в лице.

— Господи, да вы же охотник на слонов! — Пикеринг повысил голос: — Эй, ребята, здесь Зуга Баллантайн. Тот самый, который написал «Одиссею охотника»!

Вряд ли хотя бы половина из присутствующих умели читать, однако то, что Зуга написал книгу, восхитило всех. Баллантайн внезапно оказался в центре внимания, вытеснив Черного Томаса.

К фургону Зуга возвращался уже в сумерках. Алкоголь никогда не ударял ему в голову, да и луна светила ярко, так что он без труда пробирался по заваленной отбросами дороге.

Выпивка обошлась в несколько соверенов, зато он многое узнал о местной жизни — узнал, о чем мечтают и чего боятся старатели, почем нынче «письма», выяснил политику и экономику цен на алмазы, выведаль геологическое строение месторождения и еще сотню интересных фактов, а также завел дружбу с человеком, который изменит всю его жизнь.

Алетта и мальчики уже спали; коротышка-готтентот ждал Зугу, сидя на корточках возле костерка, — в серебристом свете луны он походил на гномика.

— Бесплатной воды нет, — угрюмо сообщил он. — До реки идти целый день, а этот грабитель-бур, владелец колодца, продает воду по цене бренди.

Ян Черут всегда знал цены на алкоголь уже через десять минут после прибытия на новое место.

Зуга осторожно влез в фургон, стараясь не разбудить мальчиков. Алетта напряженно вытянулась на узкой койке из сыромятных кожаных ремней. Он лег рядом, и оба долго молчали.

— Ты намерен остаться здесь... — наконец прошептала она, и ее голос надломился. — В этом жутком месте, — с тихой яростью закончила она.

Он промолчал. За парусиновой перегородкой всхлипнул Джордан, и снова все стихло. Зуга дождался, пока мальчик успокоится, и только потом ответил:

— Сегодня валлиец по имени Черный Томас нашел камень. Говорят, один из скупщиков давал за него двенадцать тысяч фунтов.

— Пока тебя не было, ко мне подошла женщина, предлагая козье молоко, — сказала Алетта, будто не слышала его слов. — Она говорит, что в лагере лихорадка. Умерли женщина и двое детей, а другие заболели.

— За тысячу фунтов можно купить неплохой участок на холме.

— Зуга, я боюсь за мальчиков, — прошептала Алетта. — Давай уедем обратно, навсегда оставим эту бродячую цыганскую жизнь. Папа всегда хотел, чтобы ты помогал ему в деле...

Отец Алетты был богатым торговцем в Кейптауне, но Зуга бросило в дрожь при мысли о высокой конторке в полутемной бухгалтерии «Картрайта и компании».

— Мальчиков пора отдать в хорошую школу, не то они вырастут дикарями. Зуга, пожалуйста, давай вернемся.

— Дай мне неделю, — сказал он. — Всего неделю — ведь мы проделали такой долгий путь.

— Боюсь, что я не выдержу целую неделю среди мух и помоев.

Она вздохнула и повернулась спиной, отодвигаясь от него как можно дальше на узкой постели.

Семейный врач — тот самый, который принимал новорожденную Алетту, а потом ее сыновей и заботился о ней после многочисленных выкидышей, — зловеще предупредил супругов: «Алетта, следующая беременность может стать для тебя последней. Я не беру на себя ответственность за последствия». С тех пор вот

уже три года в тех редких случаях, когда они все же оказывались в одной постели, она спала, повернувшись к мужу спиной.

Зуга выскользнул из фургона еще до зари, пока жена и дети спали. В предрассветной темноте он разворошил уголья и, присев у костра, выпил чашку кофе. Едва небо порозовело, Баллантайн влился в поток повозок и толпу людей, спешивших начать наступление на холм.

Становилось все светлее, жара усиливалась, а Зуга в клубах пыли ходил от участка к участку, приглядываясь и прикидывая. Он давно стал геологом-любителем, прочитав в этой области все книги, которые удавалось достать, — часто при свечах во время одиноких охотничьих вылазок в вельд. Во время редких наездов домой Баллантайн проводил дни и недели в Музее естествознания в Лондоне — большей частью в отделе геологии. Зуга натренировал глаз и научился подмечать расположение слоев породы, а также определять зернистость, вес и цвет образцов.

На большинстве участков в ответ на его попытки завести разговор старатели лишь пожимали плечами и поворачивались спиной, однако один-два запомнили его как «охотника на слонов» и «писателя», используя его визит в качестве предлога оторваться от работы и пару минут поболтать.

— У меня два участка, — сказал старатель, представившийся как Джок Дэнби. — Я называю их Чертовы шахты. Этими руками, — он поднял здоровенные ручищи с мозолистыми ладонями и обломанными, черными от грязи ногтями, — этими самыми руками я перелопатил пятнадцать тысяч тон породы, а мой самый большой камешек потянул всего на два карата. Вон там, — показал он на соседний участок, — работал Черный Томас. И вчера он вытащил «обезьяну», чертову вонючую «обезьяну», всего в двух футах от моего колышка! Черт побери, тут у любого сердце разорвется!

— Хотите, пива поставлю? — Зуга мотнул головой в сторону ближайшей забегаловки.

Парень облизнул губы, потом с сожалением покачал головой:

— У меня мальчонка голодный сидит — все ребра наружу у малышки, а мне завтра в полдень с этими вот расплачиваться. — Он показал на шестерых полуголых туземцев, которые вместе с ним вкалывали с киркой и ведром на дне квадратной ямы. — Эти поганцы мне каждый день в целое состояние обходятся.

Он поплевал на мозолистые ладони и взялся за лопату, но Зуга плавно перевел разговор:

— Говорят, на уровне равнины залежи иссякнут. — Холм уже срыли настолько, что над окружающей равниной он возвышался едва футов на двадцать. — Как вы думаете?

— Мистер, да разве можно такое вслух говорить! Так и сглазить недолго. — Джок задержал взмах заступа и хмуро посмотрел на стоявшего над ними Зугу — в его взгляде отражался страх.

— А продавать не надумали? — спросил Зуга.

Страх мгновенно исчез. Выпрямившись, Джок хитро прищурился.

— А что? Купить хотите? Дам совет задаром: даже и не думайте о покупке, если в кармане не завалилось шести тысяч фунтов.

Он с надеждой посмотрел на Зугу, но тот сохранял на лице полную бесстрастность.

— Благодарю вас и надеюсь, что камешки не иссякнут.

Зуга приложил руку к широкополой шляпе и зашагал прочь. Джок Дэнби проводил его взглядом, злобно сплюнул на желтую землю и замахнулся лопатой так, словно хотел укокошить смертельного врага.

Уходя, Зуга почувствовал странное возбуждение. Было время, когда он жил игрой в карты и в кости, и теперь в нем заговорил инстинкт игрока. Порода не иссякнет. Месторождение богатое и уходит далеко в глубины земли. Ничто не могло пошатнуть его уверенность в этом, и так же твердо он знал кое-что еще.

— Дорога на север начинается здесь, — сказал он вслух, чувствуя, как кровь закипает в жилах. — Именно здесь.

Остро захотелось совершить некий символический поступок, показать, что он целиком доверяет своей интуиции, и Зуга понял, что именно должен сделать. Содержание скотины на прииске больно било по карману — вода для волов стоила гинеею в день. После полудня он продал волов: по сотне фунтов за каждого и еще пятьсот — за фургон. Теперь деваться некуда, и, протягивая золото через необструганный прилавок в жестяной лачуге, где разместилось отделение банка, Зуга почувствовал пробегающие по телу волны возбуждения.

Путь назад отрезан. Все, что есть, поставлено на желтую породу и дорогу на север.

Литературно-художественное издание

УИЛБУР СМИТ

ЛУЧШИЙ ИЗ ЛУЧШИХ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Лариса Ершова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.12.2020. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AB8-23676-01-R